

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

«НЕПОЗНАННОЕ»

ЗЛЫЕ ЧУДЕСА

Александр Александрович Бушков

Злые чудеса

Серия «Бушков. Непознанное»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69273319
Злые чудеса: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-187887-0

Аннотация

Сибиряки – народ особый. Закаленный. Напитанный энергией диких лесов и бурных рек. Говорят, встречаются среди них люди странные, наделенные невероятными способностями. Материалисты снисходительно улыбаются: «Это всего лишь мифы!» Но автор книги собрал и записал яркие свидетельства необъяснимых злых чудес, в которые поневоле начинаешь верить...

Летом 1944 года, в перерыве между боев, два разведчика – сибиряк Гриныша Лезных и Коля Бунчук – одновременно запали на смазливую старшину медслужбы Аглаю. Красотка держала горячих парней на приличной дистанции и выбора не делала. Гриныша вскоре открыл, как говорится, второй фронт и начал захаживать к другой молодке. Аглая узнала об этом и устроила скандал. Гриныша решил, что это Коля Бунчук выдал его из ревности, и с кулаками накинулся на товарища. С трудом их тогда разняли.

А утром Бунчуку стало вдруг плохо, его отнесли в госпиталь, где и обнаружили странную розоватую полосу шириной в три пальца, опоясывающую грудь несчастного. Врачи понять не могли, что с ним, и боец вскоре в муках скончался.

К командиру разведроты примчался его приятель – особист Веня Трофимов, сибиряк, к слову. Заперся с ним наедине и поведал свою версию случившегося. Хорошо, что не при свидетелях. Честное слово, упекли бы обоих в сумасшедший дом...

Содержание

Гулливер-1944	6
Африканский зверь носорог	20
Огоньки на поляне	38
Злые чудеса	44
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Александр Александрович Бушков

Злые чудеса

*И я стою на дороге, и вижу призрак,
и меня мучит вопрос,
которого мне вовек не решить...
Джеймс Олдридж. Последний взгляд*

© Бушков А.-А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Гулливвер-1944

Ситуацию, в которой наша дивизия оказалась, нет нужды прилежно описывать своими словами. До меня, к писательству никакого отношения не имеющего, чуть ли не сорок лет назад прекрасно описал Эммануил Казакевич в повести «Звезда». Причем, что очень важно, тут в основе – сугубо личные впечатления. Казакевич служил в разведке как раз нашей армии и описывал то, чему сам был свидетелем. Не скажу, что он описал именно нашу дивизию, были некоторые отличия, но все равно, мы оказались в чертовски схожем положении. Примерно так все и обстояло...

(Примечание автора. Хотя некоторые меня порой поругивают за обширные отступления, не удержусь и на сей раз. В конце концов, «каждый пишет, как он слышит». Одним словом, Казакевича я давно читаю и люблю, так что моему собеседнику незачем было доставать книгу с полки – у меня в библиотеке они все наличествуют. К сожалению, выросли поколения, для которых Отечественная – нечто из древней истории, а писателя Казакевича, увы, стали подзабывать, что не есть здорово...)

Итак, Эммануил Казакевич, начальные абзацы повести «Звезда».

«Дивизия, наступая, углубилась в бескрайние леса, и они поглотили ее.

То, что не удалось ни немецким танкам, ни немецкой авиации, ни свирепствующим здесь бандитским шайкам, сумели сделать эти обширные лесные пространства с дорогами, разбитыми войной и размытыми весенней распутицей. На дальних лесных опушках застряли грузовики с боеприпасами и продовольствием. В затерянных среди лесов хуторах завязли санитарные автобусы. На берегах безымянных рек, оставшись без горючего, разбросал свои пушки артиллерийский полк. Все это с каждым часом катастрофически отдалялось от пехоты. А пехота, одна-одинешенька, все-таки продолжала двигаться вперед, урезав рацион и дрожа над каждым патроном. Потом и она начала сдавать. Напор ее становился все слабее, все неувереннее, и, воспользовавшись этим, немцы вышли из-под удара и поспешно убрались на запад.

Противник исчез».

Вот примерно так с нашей дивизией и обстояло. Противник улетучился в совершенную неизвестность, и что там, впереди, кто там впереди – никто представления не имел. Авиаразведка, как порой случалось, ничем помочь не смогла. Ни у кого из командования, понятно, не было ни малейшей растерянности: а для чего на свете мы, бравая разведка? Да для этого самого...

В глубокий поиск вышли пятером – лейтенант и мы четверо. Все воевали не первый год, в разведку попали не вчера, так что были, скромненько скажу, матерые и битые. Не

первый раз этак вот хаживали и дело знали четко.

Вышли за несколько часов до темноты. Двигались сторожко, привычным походным порядком: двое бок о бок впереди в качестве боевого охранения, а метрах в двадцати остальные, волчьей цепочкой. Шли исключительно лесом, подальше от проселочных дорог – для пущей надежности. Не впервые оказывались в чащобе, так что нисколько в ней не терялись. Компасы, разумеется, имелись, целых два – и довоенные карты. К великому сожалению, расположение противника на ней, понятно, не отмечено, откуда бы таким данным взяться? Но ориентироваться на местности могли, и то хлеб...

Разбросанные там и сям в глухомани хутора тоже были на карте не отмечены. На один такой мы примерно через часок и вышли. Небольшой был хуторок, вряд ли особо зажиточный. Издали было ясно, что там жили: дым из трубы шел, собака побреживала (нас она, конечно, не учуяла, не те мы были ребята, умели грамотно и скрытно к жилью подобраться). Ну что? Понаблюдали мы за хуторком из-за деревьев и пошли себе дальше, а что еще оставалось делать? Немцев там явно не было, а про то, где они имеют честь располагаться, хуторяне наверняка знали не больше нас, так что не было смысла светиться и расспрашивать. Пошли себе дальше, тем же порядком, разве что время от времени меняли боевое охранение – моментально, кто кого сменяет, лейтенант заранее проработал.

До темноты мы успели отмахать приличный кусок дороги, совершенно безлюдной чащобы, не встретив ни единой живой души, даже леших (которые нам и так в жизни не попадались). Ну а потом устроились на ночлег в подходящем месте, поужинали сухпайком и подремали при выставленном часовом. Огня, разумеется, не зажигали – только распоследний лопух в таких обстоятельствах разжег бы костер, который ночью за версту видно.

Едва рассвело, тронулись в путь. По весеннему времени было, конечно, зябковато, но не так уж и сыро – хотя вокруг та самая весенняя распутица, в лесу всегда гораздо суше, чем на открытых пространствах, вода уходит в толстый ковер слежавшихся прошлогодних листьев, в мох.

Прошли еще немного, все так же в безопасной тишине, а потом авангард наш слаженно остановился как вкопанный. Мы насторожились, автоматы перехватили поудобнее, но они остались на месте, не сделали ни малейшей попытки укрыться за деревьями, а там от сердца окончательно отлегло: Костыль (это не прозвище, вот такая была у него фамилия, над которой давно шутить перестали) поднял руку и поводил ладонью вправо-влево, причем не разжимая пальцев, держа их сжатыми (и большой к ладони прижат).

Всевозможные условные жесты давно были у нас проработаны. Этот означал: впереди что-то есть. Именно «что-то», не «кто-то», причем вроде бы не представляющее прямой опасности – на войне частенько приходится употреблять

«вроде бы», черт его маму знает, чем оно окажется при ближайшем рассмотрении...

Мы к ним живенько подтянулись, встали бок о бок. Костыль доложил кратенько, но исчерпывающе – он это хорошо умел, как все мы. Получалось следующее. Впереди метрах в пятидесяти располагалась поросшая кустарником обширная прогалина (мы ее и сами уже видели). И только что на ней имело место любопытное явление. Там на глазах Костыля и Шемахтина вдруг зажглось не зажглось, появилось не проявилось... Одним словом, объявилось, так оно будет вернее. Объявилось непонятное, тускло-лимонного цвета и словно бы с вкраплениями алых точек тускловатое как бы сияние, невысокое, ростом человеку, пожалуй, по пояс, очень правильной формы, напоминавшей словно бы линзу. (Костыль до войны работал на оптико-механическом заводе, всевозможных линз насмотрелся, вот ему в первую голову и пришло именно такое сравнение.) Шириной метров десять, окутало конкретные кусты (вон тот, и тот, и еще тот). Несколько секунд так стояло, а потом исчезло с глаз, будто свечу задули...

Мы все смотрели туда – но там ровным счетом ничего не происходило, поляна как поляна, кусты как кусты. Переглянулись. Кто пожал плечами, кто нет (я пожал). Вслух не было не произнесено ни словечка, но и нужды в том не было: все пятеро, люди повоевавшие, наверняка пришли к выводу – это не взрыв. Взрыв, как бы это сказать, всегда распро-

страняется из одной точки. И бесшумным никогда не бывает. Полыхни там что-то пиротехническое, зажигательное или осветительное, всё, сказал Костыль сразу, выглядело совершенно бы иначе. А это тусклое сияние больше всего походило на свет огромной лампы, которую включили на несколько секунд и быстренько выключили. Не взрыв, не осветительная ракета, не луч прожектора – откуда тут взяться лампе, да и луч прожектора выглядит совершенно иначе. Насквозь непонятное что-то.

Особенно не раздумывая, лейтенант распорядился:

– Вперед, осторожненько...

И был глубоко прав: что-что, а непонятное никак не годится оставлять в тылу, не рассмотрев как следует... Мы двинулись к тому месту, чутко пригибаясь, на всякий случай изготовив автоматы. Только ничегошеньки непонятного там не было: поляна и кусты, и никакого сияния, ни яркого, ни тускловатого.

А потом мы увидели такое, что дыхание в зобу спирало и челюсть отвисала...

Сначала я расскажу, как оно все выглядело, а потом добавлю кое-какие подробности – так оно выйдет гораздо эффектнее...

На относительно небольшом пространстве, окруженном кустами, лежало дюжины три мертвецов и четыре убитых лошади. Трупы в самых разнообразных положениях, чаще всего выглядевших как-то нелепо – как оно обычно и быва-

ет, мы с таким зрелищем давно свыклись. Судя по тому, что кровь еще не везде высохла, на поляне совсем недавно состоялась ожесточенная драка. Никто не шевелился, раненых не было – вполне возможно, победители своих унесли, а вражеских, очень может быть, добили. Такое на любой войне не в редкость.

Мне не понадобилось и минуты, чтобы в деталях все рассмотреть. Я как-никак был опытным разведчиком, в разведке нечего делать людям ненаблюдательным, тем, кто не умеет одним махом охватить всю картинку и с ходу обдумать свои соображения по поводу увиденного.

Нешуточная странность была такая. Все они были обмундированы и вооружены совершенно несовременным образом. В длинных кольчугах и тускло поблескивающих, явно металлических шлемах двух видов. У одних круглые, у других остроконечные, с высоким шпильком, на котором присобачен узкий синий вымпел, а впереди приделаны целиком закрывающие лицо забрала с прорезями для глаз и ноздрей. Ничего похожего на огнестрельное оружие я не увидел – только копья, мечи и широкие топоры на длинных прямых топорщах.

С ходу можно было примерно сообразить, что здесь совсем недавно произошло: «круглые» ехали верхом, а «забрала» из засады обстреляли их из луков, а потом сошлись врукопашную с уцелевшими. Мертвых «забрал» было раза в три меньше. Многие из «круглых» были прямо-таки утыка-

ны стрелами, и в коней попало в каждого по несколько. Самих луков нигде не видно, но колчаны со стрелами висят на поясах только у «забрал». Точно, устроили засаду, угостили стрелами и людей, и коней (вообще лошадь слаба на рану, достаточно одной-единственной пули, пусть даже не в жизненно важные органы, чтобы она завалилась).

Такое оружие и такие доспехи вышли из употребления сотни лет назад – самое настоящее Средневековье. Вот только ни таких шлемов, ни такого фасона кольчуг я раньше не видел ни на одной картинке ни в учебнике истории, ни в исторических книжках. Но откуда они, я и теперь не берусь определить, я никакой не историк, слишком мало все же видел этих картинок и никак не могу сказать с уверенностью, чье именно оружие, чьи доспехи. Их столько было, самых разных, по всему свету. Сущее Средневековье, вот и все, что приходило на ум...

Но это была не самая главная диковина. Самая главная – размеры!

Мертвецы были сантиметров пятнадцать ростом, или даже пониже – мертвец всегда кажется длиннее, чем при жизни. Соответственно, и оружие у них крохотное, под стать лилипутикам.

Вот такие дела...

Таким крохотулькам просто неоткуда было взяться – но они лежали в самых неожиданных позах, мертвее мертвого, иные в разрубленных кольчугах, а один и вовсе с жутко раз-

рубленным лицом. Мечом такого не сделаешь, разве что топором. И кровь была самая натуральная, красная, впрочем, как ей сейчас и полагается, уже темно-багровая, подсыхающая...

Не знаю уж, что там творилось в голове у Костыля, но он, не сводя глаз с мертвецов, сломал с куста веточку, медленно присел на корточки и потыкал одного покойника в бок. Выпрямился, отшвырнул веточку, растерянно протянул:

– Настоящий... Твердый...

Я тоже присел на корточки. Очень меня заинтересовал один конкретный покойник. К бабке не ходи, какой-то ихний начальник: только у него одного на кольчуге, на груди протянулась рядочком три больших (ну относительно его размеров) бляхи с изображением какой-то оскаленной зверюги. И меч у него был гораздо роскошнее, чем у всех остальных, – узкое лезвие длиной со спичку покрыто узорами наподобие булатных, рукоять-крестовина золотистого цвета, такое впечатление, то ли позолоченная, то ли вовсе золотая (скорее уж позолоченная, будь она литая из золота, меч оказался бы слишком тяжелым для боевого оружия). Там, где рукоять держат, она была чистой, словно бы рифленой, а все остальное усыпано крохотными разноцветными камешками, красными и синими. В навершии рукояти вовсе уж большой (по сравнению с остальными) зеленый камень, с кедровый орех величиной, не граненый, а словно бы шлифованный, продолговатый.

Очень мне этот меч глянулся, и я взял его двумя пальцами, выпрямившись, тщательно завернул в свой порядком измызганный носовой платок, спрятал в карман. Все это видели, но никто мне ничего не сказал, и лейтенант ни словечком не воспрепятствовал.

Лейтенант и опамятовался первым, словно проснулся или очнулся от забытья. Окинул нас бешеным взглядом и рывкнул шепотом:

– Как стоите, мать вашу?!

Тут и мы малость очухались. В самом деле, хороши разведчики на территории, где немцев можно встретить в любой момент: начисто позабыли о бдительности, не обращали ни малейшего внимания на окружающее, оторопело пялились на эту диковину. Один-единственный вражина, притаись он за ближайшим деревом, мог бы нас пятерых вмиг срезать одной длинной очередью.

Спохватились, ага. Развернулись к лесу, целя в разные стороны из автоматов, что было откровенно глупо, вокруг стояла покойная тишина, нарушавшаяся лишь беззаботным щебетом лесных птиц. Что нам позволяло безошибочно определить: мы в полной безопасности, если птички так заливаются, человека поблизости нет. Смущенно переглядываясь, опустили оружие, повесили на плечи. Лейтенант как вскипел, так быстренько и отошел. Должен был понимать, что мы ни в чем не виноваты, вся вина лежит исключительно на нем: он тут командир, он и должен был выставить ко-

го-то часовым. Но мы, конечно же, промолчали – командира упрекать не положено, да и уважали мы его...

Злясь не на нас, а словно бы на самого себя, он распорядился уже прежним тоном:

– Продолжать движение прежним порядком!

Ну, мы и двинулись по лесу прежним порядком. А что еще прикажете делать? Мы вышли в разведпоиск неизвестной глубины, у нас было ясное и четкое конкретнее задание. Об оставшейся за спиной диковине мы не говорили, мы вообще ни о чем не говорили – обсуждать было нечего, пока что не попало ничего, имевшего отношение к заданию, а отвлекаться на посторонние темы не стоило, мы не на скучном долгом марше.

Свою репутацию мы подтвердили часа через полтора. Лес поредел, это было даже не редколесье, а обширные пространства без единого деревца с узенькой медленной речушкой. И там, за речушкой, лихорадочно окапывались немцы – не менее двух рот, вгрызались в землю, как кроты-стахановцы, комья так и летели из-под саперных лопаток. Судя по всему, народ был битый, воевавший, прекрасно понимали, как важно для пехоты быстренько окопаться, и лучше во весь рост, пока поблизости нет противника. Справа и слева, насколько хватало взгляда, происходило то же самое. Сразу видно было, что немцы здесь собираются встать в серьезную оборону: в одном месте стояли три «Пантеры», в другом – громадные шестиколесные грузовики с прицепленными орудиями,

подъезжали еще груженные чем-то машины...

Наблюдали мы за ними, укрываясь за деревьями, минут пять, не больше. После чего пустились в обратный путь с чистой совестью и осознанием исполненного долга. За чем нас посылали, то мы и выполнили в точности: установили, где противник и чем он занят, прикинули его примерную численность, количество и виды техники. Смысла не было надолго там задерживаться, тем более брать «языка», все и так ясно. Понадобится «язык», еще раз сходим, дело знакомое...

Обратно шагали уже не так сторожко, знали, что немцев тут нет, хотя, конечно, не расслаблялись полностью. В хорошем темпе отмахали немалый кусок, на привал остановились перекусить и отдохнуть, когда до нашего расположения оставалось километра два. Когда подзаправились и устроили перекур, тут как-то сам собой и встал вопрос о том диковинном зрелище. Правда, мы не обсуждали увиденное и не гадали, что оно такое. Ребята попросили показать меч, и я достал свернутый комом платок. Меч никуда не делся. Двое его осмотрели с любопытством, двое без особого интереса. На повестке дня стоял один-единственный вопрос: как о липутских трупах на поляне докладывать начальству и, вообще, стоит ли докладывать?

После короткого, ничуть не шумного обсуждения порешили: докладывать не стоит и рассказывать никому не стоит. Все равно сочтут фантазерами и записными врялями, а такой репутации у нас прежде не было, и мы ее себе зарабаты-

вать никак не желали. Лейтенант сказал толковую вещь: сам по себе меч – никакое не доказательство. Мало ли зачем какой-нибудь ювелир мог сделать такую крохотную безделушку, и мало ли кто мог ее в лесу потерять. Я и теперь считаю, что он был глубоко прав. Никакое это не доказательство...

На том дело и кончилось. Смело можно сказать, на том и заглохло. Никому больше мы об увиденном не рассказывали, меч не показывали и меж собой больше об этом никогда не говорили. А смысл? Никто не брался гадать, откуда они взялись такие и что с ними было потом, куда подевались. Я так думаю, если они не исчезли так же загадочно, как проявились неведомо откуда, их попросту растащило на пропитание мелкое лесное зверье...

Вообще, к лилипутам у меня до войны был свой интерес. Еще в третьем классе прочитал «Приключения Гулливера» – как я потом впоследствии понял, облегченный, детский вариант (а лет через десять после войны попался и взрослый). А за несколько лет до войны вышел сказочный фильм «Новый Гулливер». Это не экранизация Свифта, там другой, совершенно свой сюжет, но мультипликационные лилипуты там просто роскошные. Пацанами мы на него раза четыре ходили, в разные кинотеатры. Часом, не видели? Ага, согласитесь, интересное кино?

Долго меч, завернутый в нестираный платок, лежал у меня в вещмешке. Одно время подумал довольно лениво: вот доживу до конца войны, пойду учиться на научного работни-

ка, как собирался после выпускного (только на другой день после выпускного Молотов сказал по радио «Война!», и все мирные планы полетели к черту), а там, чем черт не шутит, попадется какой-нибудь ученый, который мне поверит. Правда, так и не смог сообразить, какой именно ученый мне нужен, какой специальности. Я и сейчас не могу этого сообразить...

А весной сорок пятого я своего вещмешка лишился во время Висло-Одерской операции. На Одере нам пришлось тяжельно, да... При бомбежке прямым попаданием накрыло полуторку с нашими пожитками (там, на Одере, остались и лейтенант с Костылем).

Так что остался я без меча с рукоятью в самоцветах – уж наверняка это были самоцветы, а не простое стекло. И ни-сколечко об этой потере не жалел, ни тогда, ни теперь. Лейтенант был совершенно прав, я думаю: сам по себе меч – никакое не доказательство...

Африканский зверь носорог

Наш воинский эшелон с танками на платформах и четырьмя теплушками для личного состава был окружен строгой секретностью.

Собственно говоря, все военные перевозки – дело секретное. Независимо от груза. Даже если эшелон везет исключительно сапоги, саперные лопатки и фляги, чем он загружен, посторонним знать категорически не полагается. Усиленная секретность соблюдается, когда идут чисто военные грузы. А уж когда речь идет о составах вроде нашего, везущих самую новейшую военную технику, причем впервые...

Впервые на фронт перебрасывали тяжелые танки ИС, «Иосиф Сталин». Великолепная была машина, дралась на равных с самыми тяжелыми немецкими «тиграми», а зверье помельче вроде «пантер» вообще давила, будто волкодав кошку. К тому времени заводы произвели их достаточно, и, не разбрасывая подразделениями по разным частям, Верховное главнокомандование создало отдельный полк тяжелых танков, куда я и попал вместе с десятком экипажей моего прежнего полка. Разумеется, всех нас добросовестно переучили на новую технику.

Мы, младшие офицеры (да и офицеры постарше званиями), о конкретных планах Верховного командования знали ровненько столько же, сколько об условиях жизни на Марсе

(и наличии либо отсутствии таковой – никто тогда представления не имел, как на Марсе обстоят дела). Однако воевали мы не первый год и кое в чем разбирались прекрасно...

Концентрация танков в прифронтовой полосе – вернейший признак грядущего наступления. Ну а когда перебрасывают полк новейших тяжелых танков, каких в Красной Армии прежде не было... Какая там оборона! После Орловско-Курской операции (широко известной как Курская дуга) немцы уже ни разу за всю войну не провели ни одного серьезного наступления. Отходили, конечно, с жестокими боями, кое-где и с контратаками, при малейшей возможности вставали в оборону, но факт остается фактом: наступали только мы, а они отступали. Ясно было даже ежу: наш новорожденный полк пойдет по направлению главного удара в каком-то серьезном наступлении или, как тогда говорили и писали, очередного сталинского удара (после Отечественной ее историю излагали как десять сталинских ударов, справедливо или нет – дело десятое).

Танки, как полагается, были тщательно укрыты брезентом – но на сей раз на каждой платформе находился не один часовой, а двое, в противоположных концах. Нашему эшелону (и следовавшим за ним другим эшелонам полка) давали «зеленую улицу», так что он шел без остановок. Ну а на случай непредвиденной, не зависящей от железнодорожников остановки меры безопасности были расписаны заранее, одни и те же что для чистого поля, что для станции.

Вот такая непредвиденная остановка и случилась на довольно крупной станции. В чем дело, мы узнали очень быстро: где-то впереди оказались повреждены пути (о причинах нас не поставили в известность, но, судя по некоторым обмолвкам коменданта станции, речь шла о диверсии, возможно, имевшей отношение к нашему конкретно эшелону, но это вряд ли – поврежденными оказались только два рельса, что нас не должно было задержать надолго, торчать тут нам предстояло не больше часа).

Остановили нас не на самой станции, не поблизости от вокзала, а где-то на ее краешке, явно умышленно, чтобы свести до минимума количество нежелательных зрителей. И тут же вступили в действие те самые заранее продуманные меры безопасности – у каждой платформы с обеих сторон выставили по трое часовых. Может, это и был перехлест, но приказы не обсуждаются, а исполняются...

Мы с моим ротным Ромой Клименко (я тогда был командиром взвода) отошли чуть от теплушки, чтобы без лишних ушей кое-что обсудить. На повестке дня стоял единственный животрепещущий вопрос... Как показывал жизненный опыт, на такой крупной станции всегда сыщется у вокзала импровизированный базарчик, где гражданские продают-меняют всякую всячину. Торговля, конечно, по военному времени скудная, но уж самогон-то из-под полы всегда найдется – как самый ходкий, что уж там, у военных покупателей товар. Вот мы и планировали небольшую опера-

цию по раздобытию огненной воды. Такие уж у нас были насквозь приземленные планы, далекие от высоких материй. Что поделать, на войне как-то не до высоких материй... Гораздо прозаичнее все обстоит.

Конечно, мы не собирались идти на станцию сами – офицеры мы или уже где? Была у нас в экипажах парочка, обтекаемо говоря, доверенных лиц для деликатных поручений. Ребятки эти раздобыли бы огненную воду и за Полярным кругом у белых медведей, ну а здесь, посреди, можно сказать, цивилизации, справились бы в два счета. Денег у нас не было, ну да на войне деньги не всегда и в ходу. Дать им с собой американской тушенки, пару пачек махорки – и справятся в лучшем виде. Непременно и себя не забудут, это уж к бабке не ходи, но на это следовало закрыть глаза, потому что меру свою ребята знают туго, как и мы...

Тут-то оно все и произошло – правда, слово «произошло» я стал употреблять гораздо позже, тогда и понятия не имел, что оно «произошло», ни сном, ни духом...

– Смотри-ка, – сказал Рома. – А ведь там точно непорядок...

Я присмотрелся. Действительно, с первого взгляда ясно, что за три платформы от нашей теплушки явно имел место непорядок. Один из трех часовых отошел чуть подальше, заступил дорогу «танкисту» (как звали тогда безногих инвалидов на самодельных тележках), а тот, судя по направлению движения, держал курс со стороны паровоза в нашу сторону.

«Танкистов» тогда было немало, везде могли встретиться. Никак нельзя сказать, что иные из них откровенно побирались, руку, как нищие у церкви, не протягивали и вещи своими именами не называли, но держались так, что сразу становилось ясно, что ему от тебя нужно. Мы, военные, им часто подавали, главным образом продуктами – со всем уважением к отвоевавшемуся. От воинских эшелонов их, в общем, не гнали, но наш-то эшелон был особенный, к которому не полагалось и родную мать допускать. А этот «танкист», издали видно, оказался особенно настырный, махал руками, качал права, слышно было, как бранится с матами-перематами, а часовой, молодец, голоса не повышая, отвечает негромко, но непреклонно. У часового для таких случаев есть волшебное слово «Не положено». Вот только «танкист» волшебных слов слушать не желает, прет буром – прекрасно знает, стервец, что отношение к нему чуточку иное, чем к здоровому, за шкуру не схватишь и коленкой под зад не поддашь, чем и пользуется...

Очень похоже, разговор у них – если только эту откровенную перебранку можно было назвать разговором – затягивается. Не поленился же, черт, переться сюда от вокзала, а ведь не ближний свет.

В конце концов Роман досадливо поморщился, сказал решительно, хоть и с явной неохотой:

– Пойдем-ка туда, что ли? Как ближайшие к месту действия офицеры. А то Гриша, чует мое сердце, так и будет

пурхаться...

Гриша Ляпин, заступивший дорогу незваному гостю, был молодой, воевал без году неделя – и, как мне показалось, перед «танкистом» чуточку робел, несмотря на свое исключительное положение часового. Иные беззастенчивые «танкисты» такую робость просекали моментально и вовсю ею пользовались. Вот и этот, есть подозрения, из таких...

Еще подходя неторопливо, я этого персонажа рассмотрел хорошо, а учитывая последующие события, в память мне эта личность впечаталась намертво. Классический, можно сказать, «танкист» – самодельная деревянная тележка с четырьмя большими подшипниками вместо колес – где бы он в войну раздобыл настоящую фабричную «инвалидку»? Подшипники приделаны на совесть, торцы осей прикрыты железными дисками, иначе бы моментально свалились. То ли помог кто-то, то ли сам такой мастеровитый. Раскатывает, упирая в землю две корявых деревянных подпорки, грубо вытесанных. Одет в галифе, обрезанные, с зашитыми снизу штанинами и линялую гимнастерку, там и сям зашитую разными нитками. Физиономия явно славянская, широкая, небритая, определенно пропитая – ну и я, очень может быть, выглядел бы не лучше, если бы вернулся к Насте вот таким, пусть даже она меня и не бросила бы, – а ведь по-всякому случалось. Может, и я вот так запивался бы...

Сколько ему было годочков, определить трудно. Судя по морщинам и залысинам, все полсотни. А учитывая все его

невзгоды, безноготь и питье – очень может оказаться, лет на двадцать поменьше...

Вылинявшая его гимнастерка была старого образца, с отложным воротником. Потускневший гвардейский знак, как положено, справа, но привинчен косо. Слева три медали на замызганных, потерявших всякие цвет ленточках – «За отвагу», «За боевые заслуги», «XX лет РККА». Последняя вовсе не означала, что он прослужил двадцать лет – ее в свое время давали отличникам боевой и политической подготовки, тем, кто был у начальства на хорошем счету. У Романа тоже висела такая – он, в отличие от меня, был кадровым, училище закончил в тридцать седьмом и послужить до войны успел. Разве что у Романа медаль висела на ленточке нового образца, а у «танкиста» все три на старых, маленьких, прямоугольных.

Вот такой был персонаж, ничем не отличавшийся от других, которых мне довелось видеть. Вот только глаза у него были примечательные: колючие, пронизательные и словно бы глубокие, ни следа мутной пьяной осоловелости, хотя, конечно же, сразу видно, что пьет как следует и систематически...

Никак не походило, что Рома собирается обострять – он спросил достаточно шутливым тоном:

– Что за шум, а драки нет?

Гриша ответил ничуть не шутливо:

– Да вот, товарищ капитан, ни в какую слов не понимает...

Толкую ему, что не положено, а он уперся – пропусти его к теплушкам, и точка. Не положено же...

– Видишь, браток, не положено, – сказал Рома, чуть разведя руками. – Часовой – лицо неприкосновенное, понимать должен...

– Сколько я здесь разъезжаю, никогда от воинских эшелонов не гнали... – пробурчал «танкист».

– А от нашего положено гнать, – сказал Рома с величайшим терпением. – Такой уж эшелон. Они, браток, разные бывают, сам должен знать. Глядя по медали, кадровый.

– Был кадровый, а теперь никакой... А вы кто же будете, товарищи военные? Командиры или так, вроде меня, выше комода¹ не взлетевшего? Я при погонах не служил, когда погоны ввели, рассекал уже на этом танке...

Точно, придуривался, обормот. Не мог не слышать, как Гриша только что назвал Рому капитаном. Думаю, Рома подумал то же самое.

Но сказал как ни в чем не бывало:

– Командир роты и командир взвода. Если так уж интересно, капитан и старший лейтенант.

– Простите великодушно, товарищи командиры, сразу не признал, – сказал «танкист» без малейшего смущения. – Говорю же, при погонах уже не служивал, – и широко ухмыльнулся. – А затейливо оно получается – у меня батя в гражданскую у Щаденко тучу золотопогонников порубал, а теперь их

¹ *Комод* – фамильярное сокращение «комотд» (командир отделения).

опять ввели... Товарищу Сталину, конечно, виднее...

И он как-то сразу стал мне неприятен. Потому что, кося под простачка, на самом деле немного над нами издевался. Вообще, поглядывал с некоторым превосходством, а это было неправильно. Одно дело для такого вот – разоряться в тылу перед гражданскими, вопя (как я слышал пару раз от других подобных «танкистов») что-то вроде: «Я за вас кровь проливал! Я за вас ноженьки отдал!» И совсем другое – вытпываться перед фронтовиками. В конце концов, для него, пусть и оставшегося безногим, война уже кончилась, а для нас ей конца-краю не видно. Свободно можно ожидать, что нам прилетит еще похуже, и не останется от тебя даже паршивенького невысоконького обелиска из неструганных досок с фанерной звездой, часто крашенной даже не суриком за нехваткой такового, а чем-нибудь вроде разведенной марганцовки – то есть до первого дождика. Нет, я и в обращении с гражданскими такого поведения не оправдываю, им тоже приходится несладко, работают на износ, да и что бы делал фронт без тыла? Просто, как бы тебя ни приложило, меру надо знать, я думаю, не считать, будто весь мир тебе обязан...

Я покосился на Рому – судя по всему, у него появились примерно те же мысли, резко переменившие к «танкисту» отношение. А тот как ни в чем не бывало тянул:

– Да что там такого секретного, товарищ командир, в тех теплушках? Покурил бы с людьми, про жизнь и про войну поговорил, смотришь, и погадал...

И замолчал, словно ненароком сболтнул лишнего. Рома встрепенулся и спросил с явной насмешкой:

– Погадал? Что-то не похож ты, браток, на цыганку. Не похож, хоть ты меня зарежь...

– Конечно, я не цыганка, – проворчал «танкист». – Не так выразился, что ли. Не гадание, а что-то вроде. Вот посмотрю так на человека – и точно скажу, что с ним будет. Бабушка у меня умела, научила...

– Ах, вот оно что, – сказал Рома не без насмешки. – И как, верят?

– А чего ж не верить, если все так и получается? Я тут давно прижился, поначалу не верили, а потом пришлось. Только оттого, что поверили, получилось еще хуже. Стали побаиваться меня просить. Получается ведь не одно хорошее... Вот и приходится к эшелонам...

– Кого только на войне ни встретишь... – сказал Рома все так же насмешливо. – А мне не погадаешь!? Что там меня ждет и что со мной будет?

– Если хотите, так я могу...

– Вот и давай.

Его взгляд моментально изменился, стал совершенно другим. Не могу и сегодня описать, в чем было дело, не могу подыскать нужных слов... Этакий прицельный прищур, что ли, ничуть не вязавшийся со всем его обликом, словно возник совершенно другой человек. И я откуда-то знал одно: никак не хотелось бы мне, чтобы на меня смотрели так...

И тут же это прошло, он вновь стал прежним. Пробурчал:
– Значит, так, командир. Погубит тебя африканский зверь носорог. Вот так я вижу, а поточнее и не знаю, как сказать...

Рома рассмеялся – на сей раз искренне, без следа насмешки. Я тоже не удержался, фыркнул громко – очень уж нелепо это прозвучало.

– Ну, спасибо, распотешил, – сказал Рома. – В зоопарке, что ли, клетку сломает? Какие на войне зоопарки... Может, меня еще африканский зверь слон затопчет по пьянке?

– Насчет слона на знаю, а насчет носорога точно...

– Значит, постараюсь в Африку не ездить, – сказал Рома. – Помню детский стишок: не ходите, дети, в Африку гулять... Ладно, поговорили. Не вижу смысла и дальше с тобой лясы точить...

Он цепко, многозначительно глянул на меня, и я опять-таки прекрасно понял ход его мыслей.

«Танкист» этот превосходно мог оказаться немецким агентом, наблюдавшим за воинскими железнодорожными перевозками. Со шпиономанией это не имело ничего общего: прекрасно известно, что агентов таких немцы всюю используют, замаскированных под самых обычных людей так, что с ходу ни за что не разоблачишь. Куда там заслуженному артисту СССР...

Безногих видеть не приходилось, а с безруким сам столкнулся два месяца назад, незадолго перед тем, как нас отправили в тыл на переучивание. Стояли мы тогда в одном го-

родке. Городок был маленький, а вот железнодорожный узел крупный, покрупнее того, на котором мы сейчас находились. Наш экипаж как раз и попал на постой в домик к однорукому. Левую руку потерял на Донском фронте, как он очень быстро рассказал. Симпатичный такой мужик, внушающий расположение – пьющий, но не запойный, руководил маленькой инвалидной артелью, на пиджаке орден Красной Звезды и три медали – и ленточки вовсе не замызганы, как у этого вот «танкиста», аккуратно содержатся.

Три раза мы с ним сживали за выпивкой, мы немного рассказывали о своих фронтовых буднях, он о своих. На этих рассказах он и погорел. Боже упаси, он нам не задавал никаких вопросов, вызвавших бы подозрения. Тут другое. Башнер у меня воевал как раз на Донском фронте и после первых же посиделок за бутылкой отметил некоторые несообразности, мелкие, но целой пригоршней. И во второй раз, и в третий. Выходило, что сам этот однорукий на Донском фронте не был, знания у него были чисто теоретические. Башнер насторожился, сам стал подкидывать абсолютно невинные на первый взгляд вопросы-ловушки и окончательно уверился, что дело нечисто, в конце концов, не обсуждая это с нами, пошел к особистам. Отец у него долго служил в ОГПУ, а потом и в НКВД, так что задел получился соответствующий. Башнер говорил потом: даже если оказалось бы, что однорукий всего-навсего аферист, выдумавший себе фронтовую биографию и присвоивший чужие награды (а такие штука-

ри попадались), его все равно следовало взять за кислород, чтобы другим неповадно было.

Оказалось, похуже афериста. Через неделю особисты все точно установили. На фронте он и дня не был, происходил из немцев Поволжья, а руку потерял еще двадцать лет назад в результате несчастного случая. Советскую власть потаенно терпеть не мог – папаша у него, зажиточный немец-колонист, в гражданскую лишился немаленького хозяйства, вот сынка и настропалил. Когда немцы пришли в те места, сам к ним заявился – он, понимаете ли, готов бороться с большевиками как угодно и где угодно.

Ну немцы его и пристроили к делу, историю калеки-фронтовика мастерски слепили, документы смастерили безупречные, дали награды, взятые у наших убитых. Сам он ничего не вынюхивал и не высматривал – у него было целых три агента, работавших на железнодорожной станции, они-то и собирали сведения, а однорукий руководил и работал на рации... Нас к нему потом водили на очные ставки – совсем другой стал человек, вся обаятельность куда-то делась, не лицо у него теперь было, а морда загнанного зверя. На нас всех, к этой истории краешком причастных, она произвела большое впечатление. И до того особисты частенько талдычили о повышенной бдительности, о том, что враг не дремлет, но получалось это у них плакатно, голословно, так что пропускали эту болтовню мимо ушей – работа у них такая, им положено. И совсем другое дело, когда своими глазами видишь нату-

рального немецкого шпиона, замаскированного так, что и не подумаешь. На многое по-другому смотреть начинаешь...

Так что в излишнюю подозрительность впадать не следует, но и в излишнюю доверчивость тоже...

Так что Рома сказал сухо, уже насквозь официальным тоном:

– Ты, браток, должен сам поднимать такие вещи... У часовых приказ четкий: если кто-то будет отираться возле эшелона, брать за шкурку и тащить в особый отдел, невзирая на количество конечностей. Оно тебе надо?

Он говорил чистую правду: именно такой инструктаж мы все и прошли перед тем, как погрузиться в эшелон. Рука не поднималась хватать за шкурку безного калеку-фронтовика, но всё равно, чем черт не шутит, отсутствие ног еще ничего не доказывает...

Танкист зыркнул на него исподлобья. Не мог не понимать своего невеселого положения. Это обычные милиционеры старались к таким вот по пустякам не связаться, разве что по особой необходимости. А для особистов и безногий оказался бы самым подходящим клиентом: не хватает только ног, все остальное на месте, голова целехонька и работает исправно, язык подвешен, показания подписывать может...

– А я что? Я ничего, – сказал «танкист» уже совершенно другим тоном. – Разрешите идти, товарищ командир?

– Идите, – распорядился Рома командирским тоном.

«Танкист» проворно, быстро развернулся на месте и по-

катил к станции, сноровисто орудуя своими деревяшками. Глядя ему вслед, Рома фыркнул, покрутил головой:

– Экземплярус... Носорога приплел...

– Вот и не вздумай в Африку ездить, а то нарвешься...

Мы искренне расхохотались – в то время поездка в Африку обоим казалась несбыточной фантазией наподобие межпланетного полета на Марс...

И вернулись к прежней теме. Двух гонцов на станцию мы таки отправили, и они отлично с поручением справились. Но это уже к моему рассказу никакого отношения не имеет. Уточню только, что часа через полтора эшелон тронулся и до места назначения нигде больше не простаивал, так что насчет самогона мы поступили очень предусмотрительно.

Не прошло и месяца, как оно случилось...

Мы развивали наступление. Шли походной колонной, не то чтобы беспечно, но в общем и целом безбоязненно – хотя в качестве разведки две машины вперед пустили, метрах в трехстах от колонны. По точным данным авиаразведки, немцы откатились километров на несколько, продолжали отступать, не пытаясь где-то закрепиться, организовать оборону. Так что шли без особой опаски – Рома в головной машине, а я следом, оба высунувшись из башни по пояс.

Ландшафт вокруг был своеобразный: то редколесье, то чащоба погуще, и широкий большак, изборожденный колесами и гусеницами – сразу видно, что здесь отступали немцы. Пару раз попадались на «обочинах» брошенные легковуш-

ки, но мы не останавливались их осмотреть.

Вот справа, в одной из небольшеньких чашебок, вдруг блеснула вспышка, громыхнул орудийный выстрел, и снаряд вцепился Роминому танку в башню...

Я на пару мгновений ошалел от неожиданности – давненько уж обстановка вокруг была самая что ни на есть мирная и безопасная, – не сразу ссыпался из башни вниз и видел, что случилось...

Угоди фриц противотанковым под башню, ее снесло бы к чертовой матери. Но, как потом выяснилось, стрелял он осколочно-фугасным – что нашлось. Броню не пробило, получилась лишь изрядная вмятина – но вот Рому осколками и взрывной волной буквально разрубило пополам, нижняя половина тела осталась в башне, а верхнюю снесло наземь. Жутковатая была картина, но все же не самое страшное из того, что на войне приходилось видеть...

Секундное оцепенение прошло, и мы, народ опытный, ни-сколечко не растерялись, действовали быстро и четко, благо знали, что у нас немаленькое численное превосходство. Двумя взводами зашли справа, где было редколесье, проломили через деревья, как кабан сквозь камыши, – и увидели немецкую самоходку. Из тех, что больше всего походили на ящик на гусеницах. Она так и стояла в положении, и из которого стреляла – стволом к большаку, левым бортом к нам. Ну, мы по ней и ударили от всей души и вмиг раздербанили вместе с экипажем.

Она не загорелась, и мы ее осмотрели. Не было никаких головоломок и кроссвордов-ребусов: что-то у них поломалось, и они, не оставив машину, заползли в лес починиться. На разостланном брезенте разные инструменты разложены, по поваленным деревьям видно, каким путем они сюда забирались. Между прочим, правильные были немцы – не бросили машину, не стали утекать с отступающими, надеялись своими силами поправить все и смыться. Ну а завидев нас, не затаились и не сдались, как порядочные, разыграли фанатиков-камикадзе. Как ты к ним ни относишься, крепкие были солдаты...

Где же тут носорог, спросите? А вот он, паскуда...

Это у нас ИС был вторым танком, официально получившим имя собственное. А у немцев много разных марок танков и прочей бронетехники официально именовалось не сочетанием букв и цифр, а названиями всевозможной живности, не обязательно зверей. «тигр» и «пантера» – самые известные примеры. Других названий было немало, почему-то это больше всего касалось как раз самоходок. Хваленый «фердинанд» – и в самом деле очень опасная для наших танков бандура – официально назывался «элефант», то бишь «слон». Были еще «куница», «оса», «шмель». А та самоходка, что угробила Рому, называлась «насхорн» – по-немецки «носорог»...

Такие дела. Совпадение? Кто же знает... Что до безногого танкиста... Сам я ни прежде, ни потом не сталкивался с

подобными «гадателями», даже цыганок на меня как-то не выносило. Однако вполне верю: такие люди есть. Не раз о них слышал от людей, не склонных к розыгрышам, травле баек и фантазиям, от людей, которым веришь, в том числе от собственного отца. И еще вот что. Слышал от некоторых, что такие люди видеть-то видят, но не всегда точно и знают, что именно они видят. Оттого предсказания-гадания порой и получаются такие смутные.

И в эту картину, думается мне, полностью укладывается «африканский зверь носорог»...

Огоньки на поляне

Я тогда был ординарцем комбата. Вот и пришлось, далеко не в первый раз, доставлять пакет в штаб полка, прямо-таки центр цивилизации по тогдашним тамошним меркам: это наш батальон, как и другие, располагался в «шалашном» городке, быстро построенном саперами из веток, очень даже аккуратно. А штаб полка поместился в немаленькой деревне, которую отступавшие фрицы не успели сжечь. Так что выдался случай посмотреть на женщин – к великому сожалению для меня, тогда молодого, только лишь мимолетно посмотреть. Зато у земляка-писарчука раздобыл бутылочку доброго немецкого вина (а ему отдал свой трофей, маленький маузер). Так что некоторая выгода от очередного хождения за два с половиной километра получилась.

Дорога шла не особенно густым лесом. Собственно говоря, дорога была импровизированная: по местам, свободным от деревьев, прошло немаленькое танковое соединение. Но так было даже лучше: гусеницы оставили столько следов, что заблудиться не мог и такой непривычный к лесу человек, как я. Стояла ранняя осень без дождей, немцев-окруженцев в окрестностях не имелось, так что мое путешествие не таило ровным счетом никаких сложностей или опасностей. Шагай себе и шагай, почти прогулка.

На обочине, точнее на опушке, я увидел местечко, как

нельзя более подходившее для моих нехитрых замыслов. Небольшая полянка в лесу с поваленным деревом, причем человека, усевшегося вольготно на это дерево, с дороги заметить трудно, если не приглядываться специально – но кто бы этим занимался? Прямо на обочине не устроишься – всегда мог проехать какой-нибудь особенно ретивый и остроглазый командир, которому не придется по вкусу, что у дороги примостился сержант-пехотинец и нахально распивает неуставное спиртное...

Присел я на это поваленное дерево, высмотрел подходящий сучок и протолкнул им пробку внутрь бутылки. И разделался с вином в два приема – питье было вкусное, но слабоватое для привычного к водочке русского человека. Свернул сигарку и сидел, отдыхая душевно. Хоть и слабый напиток, все же немного забрало.

Почти докурил самокрутку, и тут...

На войне крайне необходимо умение вертеть головой на триста шестьдесят градусов. Ну конечно, образно выражаясь – из всех живых существ на это способны, если я не ошибаюсь, только совы. В общем, очень важно уметь подмечать все происходящее вокруг в непосредственной близости, от этого сплошь и рядом зависит и сама жизнь. Те, кто этого не умеет, очень многим рискуют...

Вот так вот и я, краем глаза, боковым зрением или как там это еще назвать, заметил неподалеку, в лесу, нечто необычное, можно так сказать, нестандартное, не укладывавшееся в

картину обычного окружающего. Все, что не укладывается, может представлять угрозу. А потому я отреагировал моментально, благо пьян был самую чуточку, по русским меркам и не пьян даже, а так, малость завеселевши. Секунда-другая – и я уже лежал за поваленным деревом, изготовив к стрельбе автомат. До рези в глазах всматривался в то, что метрах в пятнадцати от меня происходило.

И очень быстро убрал палец со спускового крючка, а там и поднялся в полный рост, а там и сделал несколько шагов в ту сторону. Уже самую малость смеркалось, но было достаточно светло, чтобы все хорошо рассмотреть и сообразить, что угрозы нет. Диковинное зрелище, странное дальше некуда, но вот угрозы как-то не чувствовалось – а ведь на войне ее частенько хребтом чувствуешь...

Как это выглядело? Метрах в десяти от меня на высоте примерно в половину человеческого роста над травой кружили огоньки. Именно что огоньки, сами по себе, без всяких фонариков. Сначала мелькнула мысль, что это светлячки – я в детстве в лесу возле нашей деревни их навидался. Но эту мысль, пожалуй, следовало решительно отбросить. Во-первых, они были гораздо больше светлячков, во-вторых, были не такие тускловатые (правда, свет был не ослепительный). Этакие светящиеся шарики величиной с лесной орех. Желто-зеленые. Сейчас, окончив после войны институт и всю жизнь проработав инженером на заводе, я скажу: они были чистейших спектральных цветов. В точности как радуга –

вот самое удачное сравнение.

Образовав то ли шесть, то ли больше концентрических колец (не до того было, чтобы их точно сосчитать), они кружили вокруг самого обыкновенного невысокого куста – неспешно, плавно, можно сказать, неторопливо. В расположении двух цветов не было никакой регулярности: несколько зеленых, потом один желтый, и наоборот. Видели мы однажды с мальчишками после грозы шаровую молнию, но тут ничего похожего: шаровая молния гораздо больше, с яблоко или клубок для вязания. Да и шаровые молнии никогда не летают стаями, всегда поодиночке. А шариков было, навскидку, штук с полсотни, а то и побольше. Ровные такие круги, будто огромным циркулем очерченные. И кружение это происходило совершенно беззвучно, а та шаровая молния шипела и потрескивала наподобие электрических разрядов или масла на раскаленной сковороде...

Первое, что пришло в голову, – новое секретное оружие немцев. Родилась эта мысль не на пустом месте. Как я выражусь теперь, с высоты прожитых лет – у войны своя мифология и свой фольклор. Всю войну довольно часто, расходясь широко, кружили самые разные слухи, байки и побасенки о секретном оружии немцев. Все они оказались чистым вымыслом, но когда-то имели большое распространение.

Очень быстро я от таких догадок отказался. Во-первых, это нисколько не походило на оружие, вид был такой... мирный. Во-вторых, кто бы стал пускать в ход секретное ору-

жие в глухомани, где, кроме меня, не было ни единого солдата? Вздор какой...

Самое большое внешнее кольцо вдруг распалось, словно кто-то его разорвал, желтые и зеленые огоньки, сбившись в табунок, полетели ко мне. Я остался стоять – бежать было бы глупо, они двигались со скоростью бегущего человека, наверняка догнали бы. Так что оставалось только надеяться, что вреда от них не будет. А стрелять по ним, я отчего-то уверен, было делом безнадежным, еще и оттого, что их было больше, чем патронов у меня в диске. Да и пули могут на них не подействовать...

Словом, я остался на месте. Они подлетели, принялись неспешно кружить вокруг меня – без всякого порядка и симметрии, совсем не так, как те, что остались вокруг куста. Несколько опустились на ствол опущенного дулом к земле автомата – и никаких электрических разрядов не произошло. Несколько прилипли к голенищам сапог, к галифе, к гимнастерке, два угнездились на тыльной стороне ладони правой руки. Такое впечатление, что от них исходило легонькое тепло, а может, мне так показалось.

Не знаю, сколько это продолжалось. Примерно половина так и кружила вокруг меня. Почему-то мне подумалось – да и теперь так думается, – что в их поведении было нечто осмысленное, разумное. Нечто похожее, я бы сказал, на любопытство. Неодушевленные предметы на такое никак не способны. Как-то очень уж целеустремленно они двигались, а это

опять-таки признак одушевленности.

Страху не было ни малейшего – но не мог же я так вот торчать до скончания века? Интересно, конечно, но у меня оставались свои дела и свои заботы, я был посреди войны...

Так что я стал помаленьку отступать – бочком-бочком, кося на них глазом. Они так и остались на том же месте, слетели и с меня, и с автомата, повисели над травой, а потом всем табунком улетели к тем, что кружили вокруг куста. Что было дальше, я не видел – отошел достаточно далеко и быстрым шагом направился в расположение части.

Никаких таких особых переживаний и волнений по поводу случившегося не было. И голову я над увиденным не ломал, хватало насущных забот, которых на войне предостаточно. И никому, конечно, ни о чем не рассказал – не поверили бы, стали бы вышучивать. Очень уж эти огоньки были необычными, ни на что не похожими. В такое поверить может только тот, я думаю, кто видел всё собственными глазами.

Я и потом над этим голову не ломал – какой смысл, если абсолютно не на что в размышлениях опереться? Ни раньше, ни потом я ничего похожего не видел, не слышал и ни о чем подобном не читал. Абсолютно никакой пищи для ума, не на чем строить догадки. Одно ясно: на шаровую молнию эти загадочные огоньки нисколько не походили.

От одной мысли не в состоянии отделаться: они выглядели именно что одушевленными и разумными...

Злые чудеса

Один-единственный раз в жизни сталкивался с необъяснимым – и слава богу. Собственно говоря, дважды, но вторая история неразрывно повязана с первой, разве что отстоит от нее на пятнадцать лет...

Дело было в начале лета сорок четвертого. Нашу дивизию отвели в тыл принять пополнения и пополнить матчасть до штатной. В последних боях понесли потери, которые тогда обтекаемо именовали в сводках Совинформбюро «значительными», а откровенно говоря – живых осталось гораздо меньше, чем павших. Обычно такие не особенно спешные пополнения – верный признак того, что готовится крупное наступление. Так потом и оказалось, но это уже не имеет отношения к тому, что произошло...

Если докопаться до корней, получится, что в основе лежит как раз тыловое безделье. На передовой просто не было бы возможности у действующих лиц, назовем их так, отвлекаться на такие вещи.

Как выглядел отвод на переформирование и пополнение? Больше всего хлопот выпало на головы офицеров стрелковых полков. Вот уж у кого известная часть организма была в мыле... Пополнение большей частью состояло из зеленых новобранцев, как из тех мест, куда немец не добрался, так и с освобожденных, временно оккупированных территорий.

Нужно было в краткие сроки их кое-как обучить обращению с оружием и азам службы – уставы, хождение строем и прочее. К тому же немало оказалось среднеазиатов и кавказцев – иные ни словечка по-русски не знали, что прибавляло хлопот. В том числе замполитам, комиссарам и комсоргам – у них был свой фронт работ, учитывая сущий винегрет, какой являли собой новобранцы.

В лучшем (чутьочку) положении были артиллеристы, минометчики и пулеметчики. Им требовалось гораздо меньше людей, чем пехоте, да и старались они подыскивать таких, что уже умели обращаться с техникой, хотя бы курсы прошли. Другое дело, что поступали новейшие образцы пушек и пулеметов, которые и опытным приходилось осваивать с нуля.

На саперов и связистов легла нагрузка полегче – но и они не лежали кверху брюхом на солнышке, учили пополнение, занимались учениями сами по принципу: «солдат в спокойное время бездельничать не должен». Одни повара никаких перемен не заметили – как кашеварили, так и в тылу кашеварили, разве что приходилось ждать бомбежек и артналетов.

Лучше всего в этой ситуации было медикам. Автосанитарная рота была по уши в работе – принимали и обихаживали новый автотранспорт. А вот медсанбат оказался совершенно не у дел: ну откуда в тылу раненые? Только выздоравливающие – легкие, которых не увозили в тыл, а оставляли долечиваться в расположении дивизии. Никаких учений хи-

ругам и прочим врачам, равно как другому медперсоналу, по чисто техническим причинам не устроишь. Поступлением медикаментов и медицинского инструмента занимались снабженцы.

Мы, разведка (которой я тогда командовал в звании старшего лейтенанта), как обычно, что на передовой, что в тылу, занимали положение несколько специфическое. У меня оставалось восемь человек, и поступило шестеро новеньких. Все до единого, понятно, были не новобранцы (лопоухим новобранцам в разведке делать нечего), а взятые с передка, обстрелянные, хваткие, зачастую с орденами и медалями. Конечно, их учили необходимым на новой службе премудростям, но и «старичков» тренировали по полной: преодоление полосы препятствий, стрельбище, рукопашный бой, использование всяких подручных предметов, какие только могут попасться под руку во вражеских окопах, немецкий язык... Словом, у нас тоже кверху пузом не лежали.

И всё же... Есть существенная разница меж простым пехотинцем и разведчиком. Пехотинец намертво прикреплен к расположению своего взвода, роты, батальона. Разведчик пользуется свободой передвижения, способной пехотинца вогнать в лютую зависть; есть у разведчика и некоторые другие привилегии. И это, как хотите, справедливо. Я и тогда так думал, и сейчас думаю. Пехотинец, кто бы спорил, открыт всем смертям. Но он среди своих, среди товарищей, он всегда частичка могучей силы, громадного механизма, его

поддерживают пушки и прочая артиллерия, пулеметы, танки, боевая авиация (пусть не всегда). Пехотинец не одинок. А вот разведчик действует в немецком тылу, где может полагаться исключительно на себя и немногих друзей, и смерть его там подстерегает гораздо чаще...

И еще один очень важный момент. Разведчик в ситуации вроде нашей лишен дела. Крайне напоминает хорошую охотничью собаку, которую посадили на цепь в конуре – между тем она совершенно точно знает, что ее товарки сейчас гоняют зайцев, вынюхивают уток, а то и на волков с медведями ходят. Какие бы то ни были тренировки до седьмого пота, подсознательно себя чувствуешь ненужным и бесполезным, а это не на шутку угнетает. Отсюда и проистекают разнообразные нарушения, порой серьезные.

У меня, слава те господи, такого не случилось – ну бывало кое-что мелкое, на которое хороший командир, что уж там, сплошь и рядом закрывает глаза. Сложность, как потом обнаружилось, была в другом: произошло пересечение моих орлов с дислоцированным совсем неподалеку медсанбатом. Думаю, нет нужды вдаваться в детали, все и так понятно, верно?

И все бы ничего, дело на войне очень даже житейское, что уж там. Но возникла тягостная загвоздка: двое моих разведчиков прочно прилипли к одной и той же девушке, и ни один не собирался давать задний ход, никто не хотел уступать поле боя другому. Ситуация банальнейшая, но когда сходятся,

словно носороги на узкой дорожке, двое твоих подчиненных, коих всего-то четырнадцать, и глядят друг на друга волками, и при любой оказии садятся подальше друг от друга, и у обоих есть оружие, и оба прошли огни и воды, крови не боются... На схожей почве порой происходили печальные эксцессы, иногда кончавшиеся трагически – вроде натуральной дуэли на наганах меж двумя лейтенантами из нашей дивизии до пули в спину сопернику ночной порой (в соседней дивизии). (Дуэлянты остались целехоньки, обормоты, но обернулось все шумом, скандалом и штрафбатом для обоих. А этого из соседней дивизии так и не вытащили за ушко да на солнышко – был человек, крепко подозревавшийся, но не нашлось убедительных улик, тем более свидетелей, и смершевцы, я точно знаю, в конце концов с матами-перематами отступились – тем более что дивизия пошла в наступление, из которого подозреваемый уже не вернулся. Но в обоих случаях, что характерно, крепенько попало и непосредственным начальникам, и замполитам.

Так что беда на меня свалилась, если можно так выразиться, двойной крепости. Во-первых, в случае чего и мне, грешному, залили бы сала за шкуру, а во-вторых, уже было ясно, что это идет во вред делу: нынешнее безделье не продлится вечно, скорее раньше, чем позже мы займемся тем, для чего натасканы. Но этих двоих ни за что не следует назначать в одну разведгруппу. Представляете посланную на серьезное задание группу из собаки и кошки? Вот примерно

так. И что тут можно придумать, мне в голову не приходило, как я ее, болезную, ни ломал. И не мог ничего предпринять – до открытого столкновения между соперниками не дошло, хотя этого и следовало всерьез опасаться. Запретить обоим шляться в медсанбат в свободную минутку я не мог – это в пехотной части распрекрасно прокатило бы с подачи даже не взводного, а отделенного. К тому же оба ухаря, говоря казенно, свои шлян्या легендировали так, что не подкопаешься. Одного, изволите ли видеть, головные боли замучили, вот и ходил за порошками (которые, стервец, предъявлял). У второго, понимаете ли, кости стало мозжить, на передке не тревожило (там многие хвори мирного времени как-то пропадают напрочь), а вот в безопасном тылу напомнило о себе (и тоже показывал флакон с некоей «мазью для растирания»). Разведчики – ребята сообразительные и планировать отвлекающие маневры умеют...

Осложнялось все позицией, которую заняла эта клятая Аглая, санинструктор с погонами старшины медслужбы, девушка красивая, но...

Сейчас я могу с уверенностью сказать после многих лет жизненных и личных наблюдений, что женщины на войне четко делились на три типа. Два из них частенько встречаются и на гражданке, а третий, право слово, порожден исключительно войной.

Недотроги, в том числе и красивые. Иногда принца ждут, то есть большого и настоящего чувства (оно и на войне слу-

чается), то ли просто такие по жизни.

Те, кого можно без дипломатии и преувеличений назвать коротким русским словом, которое встречается исключительно на заборе. Предположим, таких и на гражданке хватает, но тут как раз есть своя специфика – тот самый тип, что порожден исключительно войной. Одни считают, что война все спишет, а уж потом, в мирной жизни, можно стать паинькой-кошечкой. Другие мыслят ширше: торопятся как следует порадоваться жизни, потому что смерть может свалиться на голову в любой момент, с ясного неба – и, положив руку на сердце, у меня не найдется должной решимости их упрекать... Мужики, знаете ли, на войне тоже готовы были воспользоваться любой оказией: где тебя подстережет старуха с косой, решительно неизвестно, может, за ближайшим поворотом...

Знакомый, капитан Климушкин из медсанбата, хирург от бога, как-то пожаловался за бутылочкой: одна из его санитарок как раз увлеклась с размахом походно-полевой любовью, так что о ней и сплетничать перестали, принимали как данность. Капитан ее как-то попытался деликатно урезонить, посоветовал соблюдать хотя бы видимость светских приличий. Девка на него посмотрела даже не блудливыми, а ясными-невинными глазами и выдала: «А может, на нас завтра бомба шмякнется, а мне на том свете и вспомнить будет нечего?» Капитан как-то и стушевался: в самом деле, медсанбаты под бомбежку или артобстрел попадали не раз, они

не в таком уж безопасном тылу располагались...

(Была еще одна категория: хотевшие одного – забеременеть. Беременных автоматом отправляли в тыл. Но это, говоря ученым языком, подвид.)

Словом, Аглая принадлежала безусловно к третьему типу. Своих маленьких радостей не чуралась, но кавалеров, скажем мягко, не меняла, как перчатки, и с ходу в омут с головой не бросалась. Как и на гражданке за красотками водится, в данном конкретном случае подавала надежды обоим, играла глазками-зубками на обе стороны, держала на дистанции и окончательного выбора пока что не сделала. Чем только нагнетала страсти: выбери она кого-то одного, отвергнутый, очень может быть, позлился бы и плюнул. По-прежнему тихо ненавидел бы удачливого соперника, но держал бы это при себе и малость успокоился – что на стену лезть, коли так вышло. А так, пока царила полная неопределенность, в костер регулярно летели сухие дровишки, и полыхал он дай боже...

Откуда я все это знал? Во-первых, толковый командир должен знать, чем дышат его подчиненные, тем более в столь малочисленном и специфическом подразделении. В подробности вдаваться не буду – дела давно минувших дней, быльем поросло. Иногда командиру не стучат, его осведомляют, а это немножко другое. Толковым подчиненным тоже не к лицу разлад в нашем маленьком коллективе, способный осложнить жизнь всем без исключения. Во-вторых... Ну ладно, дело опять-таки прошлое. Была у меня в медсанбате

подружка... самого что ни на есть третьего типа. Стукнуло мне тогда едва двадцать два годочка, ничьей фотографии я с собой не носил, и никто мне не писал писем женским почерком. А жизнь продолжается и на войне...

В конце концов выход у меня замаячил только один: поговорить по душам с Климушкиным, объяснить ему, как вредно влияет красotka Аглая на боевую слаженность моего подразделения (которое все же малость посерьезнее обозной команды). Не успел, закрутились события...

Но сначала, благо времени у нас предостаточно, расскажу подробно об этих двух соперниках, претендентах на благосклонность Аглаи. Без этого, думается, не обойтись.

Коля Бунчук и Гриныша Лезных (это он так себя с самого начала, едва придя к нам, поставил – не Гриша, а именно Гриныша, мол, у них в Сибири так исстари заведено. Ну так и называли – невелик принцип, бывают бзики и заковыристее...)

Кое в чем они чертовски, другого слова не подберешь, друг на друга походили. Оба двадцати пяти годочков, с разницей в несколько недель, оба на фронт попали осенью сорок первого, с разницей в несколько дней. Оба пришли из пехоты – ну, понятно, не по собственному желанию пришли, присмотрелись и отобрали их как подходящих для разведки (чему командиры, особенно взводные, были крайне не рады, никому неохота отдавать самых исправных солдат – да куда ж попрешь против начальства?) оба до войны закончили

восьмилетку и техникумы: Коля – автодорожный, Гриньша – лесотехнический, успели с год поработать в народном хозяйстве, Коля в автоколонне, Гриньша в лесничестве (так что оба были поразвитее многих, что и на успех у женщин влияло). Оба дослужились до сержантов, оба заработали по ордену, по две медали, по красной нашивке за легкие ранения.

На этом сходство кончалось и начинались различия. С внешности начиная. Коля был сухопарый (но сильный), чернявый, горбоносый, прямо-таки цыганистого облика. Иные его первоначалу за цыгана и принимали, но был он потомственный донской казак, а почему таким уродился, объяснил сразу, даже с некоторой гордостью: бабка у него была турчанка, дед ее привез из Болгарии после турецкой кампании и обвенчался честь по чести. Случаи такие бывали, так что Шолохов в «Тихом Доне» писал о реальности. Гриньша был шикорокостный, кряжистый, этакий медведь (но не увалень, иначе не попал бы в разведку, где нужны проворные), белобрысый, веснушчатый. Оба не писанные красавцы, но и уж всяко не уроды. Еще и в том разница, что Коля был из краснобаев и весельчаков, а Гриньша не молчун, конечно, но гораздо более немногословный (впрочем, многим женщинам такие мужики как раз и нравятся, чувствуют в них некую основательность, предпочитают их балагурам).

И по натуре они были как небо от земли, на своем месте (разве что Гриньша в разведке служил полгода, а Коля – два с половиной месяца). Но вот насчет натуры...

Идеальных людей не было, нет и не будет. Многим свойственны маленькие слабости, другое дело, как они проявляются...

Все Колины мелкие прегрешения были, как бы это сказать, вполне безобидными, в пределах средней нормы. Разве что спиртного раздобудет и украдкой употребит с друзьями поболее наркомовской нормы, но никогда в ущерб делу. Что уж там, так поступали все, кто только имел к тому возможность. Если шито-крыто – ни один опытный командир не дернется (замполиты и особисты – другая статья, да и то не все из них были склонны выжигать мелкие проступки каленым железом).

Еще насчет трофеев... Вопрос это сложный и крайне неоднозначный. Снять сдохлого или пленного хорошие часы считалось прямо-таки делом совершенно житейским. Все у нас (и я в том числе, что уж там) свои ходунцы не в военторге купили (там часами отроду не торговали) и не от начальства получили поощрение (а вот такое бывало) ... И это не только Красной Армии касается. Гораздо позже, после войны, читал я в одной исторической книжке: в Первую мировую английские англичане поглядывали свысока на англичан заморских – австралийцы и новозеландцы, этакая провинция, как раз в массовом порядке и забирали часы у пленных или убитых немцев (я крепко подозреваю, нос задирали исключительно офицеры и джентльмены, а народ попроще и у английских англичан своего не упускал). В разведке

это, положив руку на сердце, проявлялось ярче всего: мы ведь каждого «языка» первым делом обыскивали с ног до головы. И если попадалось что-то интересное помимо часов – скажем, портсигар серебряный или просто фасонный, хорошая зажигалка или авторучка, просто красивая безделушка – вещицы такие хозяина меняли моментально.

(Бывали казусы. В сорок третьем гауптман-танкист, которого мы аккуратно сграбастали непопорченным, устроил скандал на первом же привале, еще до того, как пересекли линию фронта. Про часы и портсигар он и не поминал, хотя часы были золотые, и портсигар золотой, хоть и не особо увесистый. Весь шум-гам получился из-за малюсенькой, в полпальца, бронзовой собачки тонкой работы. Толя Баулин на нее сразу наложил руку – сказал, вернется с войны, сынишке отдаст. Из-за нее гауптман и расшумелся – говорит, хоть зарежьте, а собачку отдайте. Оказалось, дочурка подарила, когда уходил на войну, вот и носил как память и талисман. Ну, вернули, мы ж не звери бесчувственные, да и настроены были благодушно – очень нам нужен был «язык» из этой именно свежеприбывшей танковой части.)

Точно так же по-житейски относились к разным находкам, сделанным, если можно так выразиться, в горячах – в немецком штабном автобусе, в офицерской машине, в брошенном немцами доме, блиндаже или казарме, – на что солдат наткнулся, то его. И вовсе уж обычным делом как у солдат, так и у офицеров считалось прибрать к рукам что-то во-

енное, как нельзя лучше годившееся для использования по назначению — эсэсовский кинжал, винтовочный штык-нож, фонарик, пистолет, особенно в дорогом исполнении.

А вот дальше начинались неоднозначности. У большинства считалось неприемлемым снимать обручальные кольца — это у нас их женатые тогда практически не носили, а у немцев и их союзников имелись во множестве, часто золотые. Ну и считалось не вполне правильным чересчур уж увлекаться поиском «находок», специально время этому посвящать — это еще не мародерство, но предосудительное барахольство. И вообще уж вопиющим считалось, если отдельные бессовестные экземпляры отправлялись украдкой обшаривать мертвых на месте боя, особенно крупного сражения. Больше всего этим грешили урки, попавшие в армию из лагерей, и всевозможные прибалтнанные, до войны имевшие за душой уголовные грешки, но не попавшиеся. Правда, попадался и народец вполне законопослушный, однако ж поддавшийся соблазну. Сами солдаты таких ненавидели, а уж если они попадались, прямым ходом отправлялись в штрафную роту, а то и к стенке в зависимости от обстановки. Я и сегодня считаю, что это было совершенно правильно.

Так вот, Гриньша... Он все же не мародерствовал, покойников не обшаривал, не настолько уж гнил был парень. Но толика гнильцы в характере все же имелась. Пару-тройку раз (когда в одиночку, когда с приятелями) устраивал именно что насквозь барахольные вылазки и набрал с пол «си-

дора» компактных, умно говоря, недешевых вещичек. Было кое-что и похуже. В одном сутки как взятом нашими городе – собственно, не взятом, а освобожденном от немецко-фашистских захватчиков – с корешем из штаба батальона едва не изнасиловал красивую девчонку, только-только вышедшую из школьного возраста. И сорвалось это похабное дельце по не зависящим от ухарей причинам: там чисто случайно оказался старшина Бельченко из нашего же разведвзвода, с первого взгляда оценил ситуацию и это дело в корне пресек. К командирам не ходил – дал обоим пару раз по морде и шуганул. У него у самого имелаась дочка, близкого возраста – самый старший у нас был, сорок два годочка стукнуло, многим, и мне в том числе, форменным стариком казался...

(Правда, и старшина не был таким уж праведником. Из того домишки Гриньшу с корешем вышиб с напутствием: «Вот дойдем до Германии, немок заваливайте сколько душе угодно, а советских девушек не паскудите!» Ну все мы навидались, что немцы у нас натворили, и многие говорили открыто: вот дойдем до Германии, за все посчитаемся. Особенно те, у кого немцы извели родных и близких. Я и сегодня к ним отношусь без малейшего осуждения...)

И все Гриньше сходило с рук – и история с той девчонкой, и чересчур старательные поиски ценностей, и еще парочка проступков того же калибра. Я как командир на всё это, что греха, таить, старательно закрывал глаза. Командиром я считался неплохим, так что о благодушии или там попуститель-

стве речи не было. Тут другое – суровая реальность войны, у которой много лиц и нет каких бы то ни было схем... Только не нюхавшие пороха книжные романтики вроде безусых выпускников курсов младших лейтенантов могут думать, будто всякий справный солдат, отмеченный боевыми наградами, – белоснежный ангел. В реальности сплошь и рядом обстоит как раз наоборот. Вам доводилось читать «Берег» Юрия Бондарева? Доводилось? Тогда, может, помните такого персонажа, сержанта Меженина? Вот видите. Гнили у этого Меженина было не в пример побольше, чем у Гриныши, но механизм тот же самый: до поры до времени командир на все его художества закрывал глаза. Хороший был солдат, этого у него не отнять. А ведь там были обычные артиллеристы, которых, наверное, в тысячу раз больше, чем разведчиков. Разведчик – товар штучный, опытный кадр в большой цене, его так просто кем попало не заменишь, это не артиллерия и не пехота. Гриныша, я уже говорил, ни разу из-за своих фокусов дела не провалил и ровным счетом ничего не напортачил. К тому же никогда не переходил неких рамок. Вот я и закрывал глаза на то и на это, как очень многие опытные командиры.

И пришел ко мне утречком один из оперуполномоченных Смерша, по-старому особист, Веня Трофимов. При других обстоятельствах других людей такой визит мог и насторожить, но я и ухом не повел. Веня был парень правильный, в

штабных тылах не отирался и липовых дел никогда не шил, а ведь среди его сослуживцев бывали всякие. Еще в пехоте жизнь меня сводила, пусть и, слава богу, не напрямую с двумя такими, гниловатыми. Один откровенно избегал передка, ошивался вдали от боевых порядков, второй был не трусоват, по кустам не хоронился и однажды даже отбивал вместе с нами атаку. Но повадками они были схожи, чтобы их не упрекнули в нерадивости и безделье, запросто могли без всякого душевного противления высосать дело из пальца. Двое неплохих ребят, офицеры из нашего полка из-за них и погорели. Один ушел в штрафбат, откуда так и не вернулся, второй вылетел из кандидатов в члены ВКП(б), что по тем временам было нешуточной неприятностью и жизнь крупно портило.

Веня был не такой, и я его, в общем, уважал. Пару раз и выпивать приходилось, хотя особого приятельства меж нами и не было. Но одно я знал твердо: пакостей от Вени ждать не следует, а это в тех непростых условиях многое значило. Веня, как позже стали говорить, курировал в том числе и наш разведвзвод, но за две недели, что мы в этом городе провели вдали от передовой, у него ни разу не возникало ко мне дел по его линии – неоткуда было таковым взяться в безопасном тылу, где разведка в простое...

Веня был парень резкий, решительный, другим в Смерше нечего и делать. Тем более сильным было мое изумление, когда я сразу в нем заметил некоторую скованность, словно бы

даже и нерешительность, чего за все время нашего знакомства не отмечалось ни разу. Но ошибиться я никак не мог. Да и он сказал сразу:

– Я к тебе, прямо можно сказать, неофициальным образом...

Опять-таки прежде этого не случалось. А за бутылочку мы оба раза сиделись ближе к вечеру, а сейчас едва доходило десять утра. Это-то меня не то чтобы встревожило, но заставило насторожиться: жизненный опыт показывал, что такой вот неофициальный визит особиста порой сулит хлопоты похуже официального вызова...

Что интересно, он не мялся, не тот был парень, но определенно тянул с разговором. Первый раз за все время нашего знакомства с ним приключилось такое. Мне стало самую чуточку не по себе, и я, чтобы не молчать, спросил немного настороженно:

– Случилось что?

– Как тебе сказать... Случиться не случилось, но вот по твоему Гриныше Лезных есть нехорошая информация...

– Выкладывай уж, – сказал я решительно, чтобы не затягивать. В голове у меня мелькнуло: неужели Гриныша на сей раз сотворил что-то такое, потребовавшее вмешательства особиста? Это ж и мне прилетит рикошетом...

– Дело было так... – сказал Веня, морщась.

Я увидел по его лицу и интонациям, что от себя он не добавляет ни словечка, повторяет слово в слово то, что ему рас-

сказала... назовем это так, добрая душа. Говорит, понятно, от лица Гриньши.

– Я ж знаю, он у тебя на выпивку крепкий. Но то ли перебрал, то ли размяк на минуточку – такие вещи бывают. Итак... До чего мне осточертела эта война, слов не подберешь. Устал, спасу нет. Убежать бы за тридевять земель, так ведь некуда. К немцам нельзя категорически. Они, очень может быть, глоток шнапса дадут и папироску поднесут, скажут: «Гут, Иван, гут!» Только ведь всю оставшуюся жизнь будешь у них цепным бобиком расстилаться. Лучше уж осколок в лоб, тут хоть домой отпишут: мол, смертью храбрых... И дезертировать никак нельзя. Нет уж, спасибочки! Всю оставшуюся жизнь как заяц под кустом прятаться? Нахер надо. Есть еще третий ход, но и это никак не прокатит. Получается, как в кинофильме «Чапаев»: некуда крестьянину податься, куда ни кинь, всюду клин. И наплевать всему свету, что крестьянин от войны устал так, что нет никакой моченьки...

Он замолчал и закурил с некоторой нервозностью.

– А дальше? – спросил я уже не так осторожно.

– А ничего дальше. Та пара-тройка корешей, с которыми он сидел за флягой, помолчала, и потом кто-то сказал: разговоры такие затевать не след, может получиться чревато. Ну Лезных больше не вел ничего подобного, про обычное говорили...

– И что ты намерен предпринять? – спросил я в лоб.

А сам подумал: если бы он хотел что-то предпринять по своей линии, ни за что бы ко мне не пришел с неофициальным разговором, никогда прежде такого не было...

— А что я могу предпринять? — поморщился Веня досадливо. — Ничего я не могу предпринять. Он же не агитировал за переход к немцам или за дезертирство, вовсе даже наоборот. Ни с какой стороны не подкопаешься, неглуп землячок, ох, неглуп...

(Веня тоже был из Сибири, правда, из соседней области — но, как он однажды сам говорил, при сибирских необозримостях двести километров расстояния — это все равно что земляки, на войне особенно.)

— Ты уж сам всё обмозгуй, твой кадр — тебе и карты в руки... — Он встал, такое впечатление, с облегчением. — Сам прекрасно знаешь, чем такие вещи пахнут в боевой обстановке. А я пойду, хлопот невпроворот...

Когда он ушел, я первым делом подумал, что он мне прибрал насчет «пары-тройки» корешей. Такие разговоры ведут с глазу на глаз, особенно мужики рассудительные и жизнь понимающие туго. Но если бы Веня так сказал, я непременно попробовал бы из житейского практицизма вычислить его, говоря культурно, информатора. А вот пару-тройку вычислить замучишься.

Потом в голову пришло, что думать надо не о том...

О каком таком «третьем ходе» Гриньша упомянул, мне не надо было долго разжевывать, не первый год воевал: са-

мострел, конечно. Что на войне не такая уж редкость. Самострелы бывают разные. Те, что поглупее, стреляют сами себе в руку или ногу через буханку хлеба или свернутый ватник – и большей частью попадают. Те, что поумнее, просят надежного кореша в них стрелнуть с небольшой дистанции, самые шустрые припасают для этого трофейное оружие – тогда их ущучить бывает гораздо труднее. Есть и вовсе уж изворотливые. Один такой попался в нашей роте, хорошо еще, не в моем взводе. Под плотным немецким огнем высунул над окопом левую руку – ну, и словил пулеметную очередь, ладонь в ошметки, кость перебило, так что руку ему ампутировали ладони на две выше запястья. Три человека это видели и моментально сообразили, что к чему, – только один не вернулся из боя, второй с натуральным тяжелым осколочным ранением увезен был в тыл, а показания третьего к делу не подошьешь без четких доказательств, которым неоткуда взяться. Вот и уехал этот тип к жене и деткам – с культей левой руки, но живой, навсегда избавленный от войны, с желтой нашивкой за тяжелое ранение. И ведь наверняка получил медаль «За победу над Германией», а потом и все юбилейные, какие были, очень может быть, в почетные пионеры приняли его, суку, на слетах ветеранов красивые слова говорил...

В общем, трудно, но вовсе не невозможно устроить себе самострел так, чтобы не попасться. Знаю еще парочку случаев, на которые не стоит сейчас отвлекаться. Однако дело

всегда происходило на переднем крае, а вот служить в разведке, грамотный самострел устроить нереально, будь ты хоть семи пядей во лбу...

Я и эти мысли отбросил как второстепенные. Появилась не в пример более серьезная головная боль. Как мне подсказывал мой фронтовой опыт, я прекрасно знал, тут Веня кругом прав, чем такие вещи пахнут. Выходило, что полагаться на Гриньшу более нельзя, он, к бабке не ходи, стал слабым звеном, уязвимым местом, если уж совсем интеллигентно, ахиллесовой пятой... Иначе говоря, стал чертовски ненадежен.

Понимаете ли... Очень часто человек, открыто признающийся, что устал от войны, начинает беречь себя. Все мы, что скрывать, устали от войны, даже кадровые. Война – все же занятие для человека противоестественное, на ней убивают и калечат. Другое дело, что большинство людей загоняют эти мысли поглубже, стискивают зубы и воюют с прежним прилежанием. А вот некоторые как раз берегутся. Я не имею в виду, что человек прячется по кусткам или придумывает еще что-нибудь – сплошь и рядом нет кустов, куда можно спрятаться или еще как-то уклониться от, скажем, атаки. Просто в человеке что-то меняется, ломается, ширится этакая духовная трещинка, и это влияет на все его поведение на войне. Вообще-то есть некая непонятная мистика: таких «хороняк» убивает в первую очередь. Как метко сказал однажды старшина Бельченко, кто начинает от смертушки бо-

яться очень уж шибко, за тем первым она и приходит...

Есть еще одно немаловажное обстоятельство. В обычной воинской части, где людей много, человек такой угробит только себя самого, редко-редко потянет за собой других. А вот в разведке, где каждый человек на счету и боевое задание выполняют маленькими группами, все обстоит как раз наоборот. Из-за одного бережливого могут погибнуть все.

Вот и выходит, что на Гриньшу полагаться, как прежде, больше нельзя. Вене я верил, понапрасну клепать на человека, тем более на заслуженного разведчика, он ни за что не стал бы. Значит, все так и обстоит, объявилось вдруг в моем разведвзводе слабое звено, и с этим надо что-то делать. Хорошо еще, время не поджигает, и «солдатский телеграф», и знакомые из штаба дивизии сходятся на одном: в безопасном тылу мы пробудем еще недели две, не меньше.

Самым лучшим выходом было бы перевести Гриньшу назад в пехоту. Правда, нужно тщательнейшим образом продумать, как это устроить. С бухты-баряхты, исключительно по моему хотению такие дела не делаются, и начальник над мной не один. Нужно железно обосновать, отчего я вдруг решил так поступить с одним из лучших разведчиков, не замаскированным в серьезных грехах – мелкие прегрешения не в счет. Возможно, придется задействовать и Веню Трофимова. Если объяснить все убедительно и обоснованно, отцы-командиры поймут – они тоже не вчера родились, не позавчера попали на фронт и сами прекрасно знают, к чему может привести,

если в разведвзводе завелся желающий побережь себя, драгоценного. Пусть даже бережение это будет неосознанное, от этого не легче – печальный финал окажется тем же самым. И гадай потом, отчего группа не вернулась с задания...

Пороть горячку ни в коем случае не следовало. Как и решать все в одиночку. Как далеко не впервые, следовало все вдумчиво обсудить со старшиной Бельченко. По штатному расписанию командиру разведвзвода не полагался ни помощник, ни заместитель, ни тем более замполит. Однако так уж сложилось, что у меня, едва пришел из пехоты, все эти функции исполнял Бельченко – совершенно неофициально, конечно, далеко не все об этом знали. И это всегда шло на пользу делу: авторитет у него среди разведчиков был большой, стаж и опыт – не в пример моему. Если совсем уж откровенно, это началось с той самой поры, когда я пришел согласно новому назначению: обстрелянный фронтовой офицер, вынужденный усваивать премудрости разведки с нуля, и прежний опыт здесь совершенно не годился, что я сам прекрасно понимал. Называя вещи своими именами, какое-то время старшина был для меня, выражаясь по-старорежимному, дядькой. Мягко и ненавязчиво, ни в малейшей степени не ущемляя моего самолюбия, многому научил, немало полезного присоветовал – с глазу на глаз, старательно соблюдая на людях субординацию, да и наедине не переходя неких границ и рамок...

Вот только Бельченко не было в расположении, вообще в

городе. С утра поехал километров за пятьдесят в разведотдел армии, получать бесшумные наганы для нас и разведки артполка. Отличные были машинки с постоянными глушителями, они нам потом немало помогли. И вернуться должен был только завтра утром. Что никаких сложностей не сулило, время не поджимало, я же говорил, мы там должны были пробыть еще недели две...

Разговор с Веней произошел примерно в половине первого, а потом я отправился в разведотдел дивизии, где и проторчал чуть ли не до ужина. Накопилась куча текущих дел, мелких, но требовавших неотложных решений. К тому же дважды пришлось ждать, когда освободятся нужные мне люди.

Ну а после ужина отправился на заранее оговоренное свидание с Галочкой, у нее вообще не было никаких дел – откуда они у операционной медсестры при полном отсутствии раненых?

Вот Галочка мне первым делом неприятные новости и выложила – потому что они в первую очередь меня и касались как полностью ответственного за своих подчиненных. Была тишь, да гладь, да божья благодать – и все в одночасье рухнуло за несколько часов моего отсутствия. Впрочем, и будь я в расположении, кое-чему помешать безусловно не смог бы, ничего о том не зная...

Я и раньше знал, что Гриньша Лезных, ухарь этакий, говоря военным языком, работает на два фронта. И к Аглае

клинья бьет старательно, и уже с неделю похаживает к одной молодушке, живущей с матерью в домишке на окраине города. И пару раз оставался там на ночь, благо его вторая симпатия к непорочным цветочкам никак не относилась – у нее имелся полугодовалый ребенок. Про отца было ничего неизвестно даже нашему главному сплетнику ефрейтору Веденееву, но, судя по срокам, неизвестным папашей был проходящий воин-освободитель – явление на войне нередкое.

Не он один такой хваткий – двое моих орлов точно так же завели в сжатые сроки зазнобушек в городе. Если у солдата, а уж тем более у офицера имелись к тому возможности, дело нехитрое: мужиков в тылу была жуткая нехватка, тем более в этом городе, пережившем немецкую оккупацию, пусть и не такую уж долгую. Все было обставлено без сучка без задоринки: троица улетучивалась после отбоя и исправно пребывала на месте к подъему – благо у нас подъем и отбой были понятиями, что уж там, чисто умозрительными и не соблюдались с той строгостью, как в обычной стрелковой части или другом строевом подразделении. Я, разумеется, никаких мер не предпринимал – не давали повода, и в данном случае они не гимназисты, а я не классный наставник. Некоторые вещи нужно принимать исключительно по-мужски, со вполне понятной мужской солидарностью...

А потом потаенно грянуло... Ничего специфически военного в этой ситуации не было, повторение чисто гражданских дел, какие особенно проявляются там, где коллектив в

основном женский, как у нас в медсанбате. Бабы потаенные трения, ага. Была у них такая медсестра Клавочка, втайне крепко Аглаю не любившая, но прикидывавшаяся закадычной подругой. Причины для нелюбви и зависти опять-таки были чисто бабские. Клавочка – этакая серая мышка, очень из себя невидная, но и такие сплошь и рядом мужского внимания жаждут. Ну на войне всю работает старая поговорка «С лица не воду пить...» Мужским вниманием, деликатно назовем это так, Клавочка была отнюдь не обделена, все же никак нельзя сказать, что она была страшна как смертный грех. Однако ее, рассказывала Галочка, не на шутку злило, что мужчины ее используют, говоря культурно, чисто утилитарно, а вот красотка Аглая может выбирать-перебирать и крутить самые настоящие романы, очень даже красивые на фоне серых и неприглядных фронтовых будней... Галочку, к слову, она не любила за то же самое, и еще нескольких девушек. Распространенное явление, не в нашем веке появившееся и не в нашем Отечестве...

Короче говоря, она Аглае все и выложила насчет одного из ее кавалеров, оказавшегося двурушником. И вроде бы привела убедительные доказательства. Как уж она обо всем проведала, бог весть – ну, бабы на такие дела способны с мастерством, какого никакому Смершу не добиться... Аглая, конечно, взвилась, как многие на ее месте.

А тут и Гриныша заявился. Их разговор никто не слышал, но оказалось, сразу три медички его наблюдали из окон – вот

так вот случайно оказались у подоконников, ага...

Галочка была одной из трех. И прекрасно поняла, как и две другие, какой характер с ходу принял разговор. Аглая сразу пошла в атаку, а Гриньша, явно такого не ожидавший, растерялся и, очень похоже, мямлил что-то неубедительное. И получил, по единодушному мнению девчонок, что-то вроде: «Меж нами все кончено, чтобы я тебя больше не видела!» Какие именно слова прозвучали, не суть важно, главное, все именно так и выглядело. Аглая, облив изменщика презрением, гордо задрав носик, ушла в здание, а Гриньша, потоптавшись с растерянной улыбочкой, пошел прочь, как побитая собака — «як та псина, когда ее помоями из ведра штурхнут», по выражению хохлушки Оксанки...

Продолжение последовало незамедлительно. Вернувшись в домик, где мы расквартировались, Гриньша с ходу вызвал Колю Бунчука «поговорить с глазу на глаз». Вид у него был самый недоброжелательный, и мои ребята, прекрасно знавшие об этом любовном треугольнике, решили исподтишка понаблюдать. И точно, Гриньша с ходу попытался заехать Коле в глаз, ну а Коля был не из тех, кого можно подловить врасплох и просто так залезть в личность. Сцепились все-рез. Ребята их быстренько растащили, хоть и с некоторым трудом, но справились. Судя по злобным Гриньшиным выкрикам, он был уверен, что это Коля на него из ревности Аглае насплетничал и вообще, следил за ним, когда он ходил к той молодушке. Коля, как мне рассказали свидетели, был

такими обвинениями не на шутку изумлен, кричал, что такая дешевка не в его характере, но Гриньше шлея под хвост попала, ничего не хотел слушать, грозил Бунчуку, что еще его уроет, казачка мнимого, – он, видите ли, уверен, что Коля никакой не донской казак, а грек мариупольский, а то и вообще жиденок бердичевский, наострившийся выговаривать букву «р» без запинки.

Тут уж Коля на него кинулся, но ребята удержали. И настойчиво посоветовали впредь не пороть горячку из-за бабы, что ни к чему хорошему никогда не приводило, особенно в маленьком коллективе вроде нашего. Столкнувшись со всеобщим осуждением, оба вроде бы присмирели, но все прекрасно знали, что у таких конфликтов бывают продолжения...

Свидание оказалось скомканным. Собственно, никакого свидания и не получилось – узнав об этаких скверных новостях, я заторопился в расположение. Галочка все поняла и не обиделась.

Первое, что мне пришло в голову по дороге, – чем бы дело ни кончилось и как бы ни обернулось, этих двоих ни за что нельзя больше назначать в одну группу при будущем поиске в немецких тылах. А нешуточная сложность возникла уже сейчас: оба «дуэлянта» обитали на ограниченном пространстве. Это в пехоте просто: перевел в другой взвод, а то и другую роту – и перестанут мозолить друг другу глаза. У нас такого не проделаешь...

Разведчики обычно поселяются в одном помещении – и далеко не всегда мне, командиру, достается отдельное. Сейчас все обстояло иначе. Если предстоит разместиться в городе (что выпадает редко), разведчики обустроиваются с максимальным комфортом (впрочем, слово «комфорт» было тогда совершенно не в ходу, говорили просто «уют»).

Сейчас уют имелся, относительный, правда, ну да дареному коню... По сравнению с палаткой – сущий дворец. Городок этот был небольшой, но старинный, заложенный еще при Иване Грозном. В царские времена был уездным, а при советской власти стал райцентром. Так что невеликий исторический центр с капитальными зданиями дореволюционной постройки имелся и почти не пострадал – ни в сорок первом, ни при освобождении тут не случилось серьезных долгих боев. Ну вот, и мои орлы быстренько наткнулись на подходящий пустовавший дом, одноэтажный, кирпичный, даже с уцелевшими стеклами в окнах. При царе тут размещался писчебумажный магазинчик с гимназическими учебниками и наглядными пособиями. Когда после Гражданской жизнь стала понемногу налаживаться, тут опять-таки устроили книжный магазин, проработавший до прихода немцев. Немцы его заняли под вещевой армейский склад. После освобождения все брошенное добро вывезла наша трофейная команда, и домик долго стоял пустым. Маловат был для размещения даже пехотного взвода полного состава – торговое помещение примерно квадратов на тридцать,

кабинетик директора и две комнаты для продавцов и в качестве маленького склада (большой склад помешался во дворе, и мы туда сложили свои пожитки). А вот нам бывший магазин подошел как нельзя лучше: разведчики обосновались в «зале», мне достался кабинетик, а в комнатке для продавцов устроили оружейку. Хоромы! Вот только оба кавалера жили в одном и том же невеликом помещении, что при нынешнем положении дел, очень даже возможно, сулило очередные неприятности...

Я вызвал обоих в кабинетик – поодиночке, понятно. Оба вели себя, в общем, предсказуемо, я с таким поведением не раз сталкивался: оба тарасили невинные глаза и чуточку разными словами гнули одно: те, кто мне о случившемся сообщил, малость преувеличивали – ну, поцапались легонечко, ну, матернули друг друга, ну, сгоряча чуть не залезли друг другу в рожу. Только все это, товарищ командир, – пустячок без продолжения, они ж не кавказцы горячие, чтобы теперь друг другу кровную месть объявлять, все будет путем, как на танцах в городском парке, где присутствует усиленный наряд милиции...

Обоим я не поверил ни на копейку. И довоенный жизненный опыт, и военный подсказывал: такие свары так просто не гаснут – еще и потому, что аппетитное яблочко раздора пребывает тут же, в небольшом отдалении, и отвергнутый воздыхатель прекрасно знает, как обстоят дела у более удачливого соперника. Ну а в военных условиях всё еще больше

усугубляется – у обоих под рукой оружие, оба навидались крови и смерти, так что бывает всяко. Что далеко ходить, в нашем же артполку три недели назад было ЧП: два лейтенанта – не желторотые, повоевавшие! – люто сцепились из-за красивой ветреной связистки вроде Аглаи. И кончилось все тем, что они, отойдя подальше в рощицу, устроили натуральную дуэль на трофейных немецких пистолетах. Артиллеристам практически не выпадает случая попрактиковаться в стрельбе из личного оружия, да и выпили оба изрядно, так что при двух расстрелянных обоймах один не получил ни царапинки, а второму пуля угодила навывлет повыше локтя. Однако обоих закатали в штрафбат, приравняв ранение второго к самострелу. («Мне тут Лермонтовы с Мартыновыми не нужны! – рявкнул командир артполка. – Лермонтов хоть хорошие стихи писал, а вы и похабную частушку сочинить не сумеете!»)

Я обоих распустил как следует, не выбирая выражений. Ругал и стыдил: мол, стыдно им, взрослым и обстрелянным, вести себя как школьники, подравшиеся за углом из-за того, кому тискать красивенькую одноклассницу и водить ее в кино. Сказал: я, конечно, докладывать о случившемся никому не буду, но если что-то такое повторится, может ребром встать вопрос о штрафной роте – смотря с какой ноги какое начальство встанет. Оба должны были знать, что я нисколько не преувеличиваю: перед расквартированием в городке с его окрестностями зачитали строгий приказ по дивизии: за

любое нарушение дисциплины наказание последует строгое. А замполиты и Смерш здесь, в тылу, бдят почище, чем на передовой...

Оба, пусть и без битья себя в грудь левой пяткой и страшных клятв на Уставе гарнизонной службы, пообещали, что впредь ничего подобного не повторится. Так убедительно излагали, стервецы, хоть сейчас заслуженного артиста РСФСР им присваивай. Коле я, в общем, верил, а вот Гриньше – не особенно. Предположим, Коля своего пока что не добился, но вот Гриньша прочно угодил в отвергнутые, а значит, может еще раз рыпнуться, стать зачинщиком новой свары... Но что было делать? Выругал еще раз, сказал, что, по моему глубокому убеждению, нет такой (матерное обозначение), за которую стоило бы платить штрафной ротой – и скомандовал налево кругом, шагом марш, решив не напрягать более самому мозги, а подождать старшину Бельченко, поскольку одна голова хорошо, а две лучше...

...Для подъема у нас не было ни сигнала, ни бодрого вопля дежурного – у нас вообще-то дежурный имелся, как и полагается даже малочисленному воинскому подразделению, без этого нельзя, но подъема он громогласно не объявлял. Просто-напросто подъем был назначен на семь тридцать утра, и в это время всем полагалось проявить сознательность и быть на ногах. Обычно все так и поступали, и я тоже, по въевшейся привычке.

Однако в то утро я подхватился в семь с несколькими ми-

нутами – сплю чутко, и меня поднял совершенно нехарактерный шум из «зала»: там громко говорили, ходили, по звукам слышно, уже влезши в сапоги, о чем-то, такое впечатление, спорили. Так что я в темпе оделся, обулся, затянул ремень с портупеей (командир перед подчиненными расхристанным расхаживать не должен) и пошел туда, благо идти было – три метра по коридорчику.

Дела... Все мои орлы, кто-то полностью одетый, кто только в сапогах, шароварах и нательных рубашках, сгрудились вокруг кровати Коли Бунчука. Разведчики, как уже говорилось, всегда стараются наладить максимальный уют. Вот и теперь, благодаря тесным связям с медсанбатом, быстро провернули недоступный обычной пехоте финт: договорившись частным образом, взяли у них со склада кровати, их там было запасено приличное количество, сначала советскими завхозами, а потом немецкими. И матрацев сыскалось нужное количество, вот простыни с подушками успели оприходовать еще до вселения в лазарет медсанбата, но нам хватило и кроватей с матрацами, чтобы жить со всеми удобствами...

Входя в зал, я еще ухватил обрывок спора: сбегать в медсанбат или пока погодить? И севший, хриплый, не похожий на обычный голос Бунчука:

– Да ладно, ребята, отлежусь. Водочки бы, глядишь, и полегчает...

Услышав мои шаги, орлы расступились. Бунчук так и ле-

жал в исподнем, отодвинув шинель в ноги. Выглядел он скверно: бледный, весь какой-то осунувшийся, лицо словно бы даже исхудавшее, как после недельной голодухи, весь в поту, дышал тяжело, прерывисто и будто бы с немалым трудом, головы не поднимал от свернутой гимнастерки, служившей вместо подушки. На себя не похож, а ведь вчера вечером был – кровь с молоком. Как подменили...

– Коля, что? – спросил я с нешуточной тревогой.

Он попытался улыбнуться, но получилось плохо, этакой гримасой:

– Сам не пойму. Дыхание перехватывает, грудь болит, будто натуго ремнем перетянули, сердце прихватывает. Встать не могу, ноги не держат, тело не слушается...

– Съел что-нибудь? – вслух предположил Петраков.

– Ничего такого особенного, – сказал Бунчук. – Что все ели, то и я. Да и живот не болит ничуть, только грудь стискивает так, что дышать немоготу, и сердце жмет... Никогда такого не было...

Никогда прежде я ни с чем подобным не сталкивался. И долго не раздумывая, распорядился:

– Петраков, пулей в медсанбат. Приведи кого-нибудь из фельдшеров.

– Отлежусь... – слабо запротестовал Бунчук.

Ну да, явно не хотел, чтобы его Аглая увидела в столь печальном состоянии, Ромео долбаный...

– Никаких отлеживаний, – твердо сказал я. – Коли уж ты

на ноги встать не можешь... Петраков, что стоишь? Бегом марш!

Тот выскочил за дверь. Бунчук попросил закурить, и ему дали, поднесли спичку. Только он после пары глубоких затяжек погасил папиросу в консервной банке, какие мы все использовали вместо пепельниц. Закашлялся, вымученно улыбнулся:

– Не могу. Больно дым глотать, никогда, такого не было...

– Вот и лежи, – сказал я. – Ничего непонятно, но крепенько тебя прихватило, так что не порохайся.

Дали ему попить – вот пил жадно, немаленькую кружку опростал, и хуже себя от этого не почувствовал. Очень быстро пришла военфельдшер Ксения Тугарина, младший лейтенант медслужбы. Узнав, в чем дело, не сразу убрала с личика удивление, у нее вырвалось:

– А я подумала...

Ну конечно, с неудовольствием отметил я. Вдоволь уже почесали языки от безделья, широко разошелся слушок о разговоре Гриньши с Аглаей, вот явно и подумала, что оба воздыхателя сцепились, и кому-то из них серьезно досталось...

Чтобы медосмотр прошел без излишнего многолюдства, я всех до единого орлов отправил мыться-бриться – самое время. Сам как командир остался, принес Ксане табуретку и присел тут же на другую. За дело она принялась сноровисто, сначала поставила градусник – оказалось, температура

нормальная. Взявшись Колю выслушивать, посерьезнела и занималась этим долго. В конце концов расспросила Колю, что он чувствует, и нахмурилась вовсе уж серьезно. Вынула из ушей трубочки и сидела, ничего не предпринимая.

– Ну, что там? – спросил я.

– Ничего не понимаю, – пожала она плечами. – Никогда с таким не сталкивалась, но тут что-то серьезное. В легких сплошные шумы и хрипы, как при тяжелом воспалении, не первый день длящемся...

– Я ж не простужался даже... – подал голос Бунчук.

– Все равно, – отрезала Ксана. – Шумы и хрипы... И сердечный ритм крайне ненормальный: сердце то заколотится, то словно бы замирает. Товарищ старший лейтенант, пошлите кого-нибудь к нам, пусть придут санитары с носилками. И принесите, пожалуйста, полстакана воды – сердечных капель накапаю.

Бунчук вновь слабо запротестовал, заверяя, что он и так отлежится, но Ксана на него прямо-таки прикрикнула – у фронтовых медичек большой опыт управляться с любым подобием капризов, – и он умолк. Я вышел во двор, вновь послал Петракова в медсанбат и набрал воды из нашего сорокалитрового оцинкованного бидона, который мы с собой возили не первый месяц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.